

ПРОЛОГ

Он неподвижно смотрел в белое ничто.

Этим он занимался почти три года.

Его никто не видел, и он никого не видел. За исключением тех моментов, когда дверь отворялась и выпускала ровно столько пара, что на секунду становился различим силуэт обнаженного мужчины, а потом дверь затворялась и все вновь окутывал туман.

Баня уже закрывалась. Он остался один.

Потуже затянув пояс банного халата, он поднялся с деревянной скамьи, вышел к пустому бассейну и направился в раздевалку.

Ни плеска воды, льющейся из душа, ни разговоров на турецком, ни звука босых ног, шлепающих по плиткам пола. Он рассмотрел себя в зеркале и провел пальцем по все еще заметному шраму от последней операции. Немало времени потратил он на то, чтобы привыкнуть к новому лицу. Палец двигался дальше по горлу, по груди, к тому месту, где начиналась татуировка.

Он открыл навесной замок на шкафчике в раздевалке, надел брюки, накинул пальто поверх влажного банного халата, зашнуровал ботинки. Еще раз убедившись, что, кроме него, здесь никого нет, он подошел к шкафчику с кодовым навесным замком, отмеченным пятнышком синей краски. Набрал цифры 0999, снял замок и открыл дверцу. Быстро оглядел лежащий внутри большой красивый револьвер, обмотал его красным шарфом и спрятал в карман пальто. Затем достал конверт и раскрыл его. Ключ. Адрес и детальная информация.

В шкафчике лежала еще одна вещь.

Выкрашенная черной краской, железная.

Он взял ее одной рукой, поднес к свету и с восхищением начал рассматривать работу кузнеца.

Придется вымыть и очистить эту вещь, но он уже чувствовал возбуждение при мысли, что будет ею пользоваться.

Три года. Три года в белом ничто, в пустыне бессмысленных дней.

Теперь время настало. Настало время испить жизнь.

Время возвращаться.

Харри проснулся оттого, что его кто-то тряс. Он уставился в полумрак спальни. Это снова был *он*, он вернулся, он здесь.

— Кошмар, любимый?

Голос, раздавшийся рядом, был спокойным и теплым.

Харри повернулся к ней. Ее карие глаза изучали его. Призрак поблек и испарился.

— Я здесь, — сказала Ракель.

— А я здесь, — ответил он.

— Кто на этот раз?

— Никто, — соврал Харри и погладил ее по щеке. — Ну-ка, спи.

Он закрыл глаза. Выждал достаточно времени, чтобы быть уверенным, что она сделала то же самое. Открыл глаза и всмотрелся в ее лицо. На этот раз Харри увидел *его* в лесу, в болотистой местности, погруженной в белый туман, который окутывал их обоих. *Он* поднял руку и направил что-то в сторону Харри. Харри смог разглядеть вытатуированное лицо демона на *его* обнаженной груди. А потом туман сгустился и *он* исчез. Снова исчез.

— А я здесь, — шепотом повторил Харри Холе.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Среда, вечер

Бар «Ревность» был почти пуст, и все же дышалось здесь тяжело.

Мехмет Калак разглядывал мужчину и женщину у стойки, наполняя их бокалы вином. Четверо посетителей. Третьим был мужчина, который сидел за столиком один и мелкими глотками потягивал пиво из полулитровой кружки, а четвертым — пара ковбойских сапог, торчащих из кабинки, темнота в которой периодически озарялась светом от дисплея мобильного телефона. Четверо посетителей в сентябрьский вечер в лучшем баре района Грюнерлэッカ. Это никуда не годится, так не может продолжаться. Порой Мехмет задавал себе вопрос, почему он уволился с поста директора бара самого классного отеля города и стал единственным владельцем этого занюханного заведения с клиентами-алкашами. Может быть, потому, что думал: подняв цены, он сменит старую публику на тех, кого каждый хозяин рад видеть у себя, — на молодых людей, живущих по соседству, платежеспособных, не создающих проблем. А может, потому, что после расставания с девушкой ему было необходимо место, где он сможет работать до посинения. Или потому, что получил отказ от банка, после чего предложение акулы ростовщического бизнеса Даниала Бэнкса показалось привлекательным. Или просто-напросто потому, что это он решал, какую музыку ставить в баре «Ревность», а не чертов директор гостиницы, знавший всего одну мелодию — жужжание кассового аппарата. Выставить старых клиентов за дверь оказалось просто, теперь их пригрел дешевый бар в трех кварталах отсюда. Наверное, Мехмету стоит пересмотреть концепцию. Наверное, одного телевизионного экрана, по которому крутят только турецкий футбол, недостаточно

для того, чтобы называться спортбаром. А что касается музыки, то, наверное, надо бы остановиться на классике: «U2» и Спрингстин для мужчин, «Coldplay» для женщин.

— У меня нечасто бывали свидания с женщинами, с которыми я познакомился в «Тиндере»¹, — сказал Гейр и поставил свой бокал с белым вином на барную стойку. — Но я понял, что на этом сайте много странного.

— Правда? — спросила женщина, пряча зевок.

Блондинка, коротко стриженная. Стройная. Лет тридцати пяти, подумал Мехмет. Быстрые, немного суетливые движения. Усталые глаза. Слишком много работает и занимается спортом, так как надеется, что это создаст излишек энергии, которой ей всегда не хватает. Мехмет увидел, как Гейр поднял бокал, держа его тремя пальцами за ножку, так же как эта блондинка. На своих многочисленных свиданиях с женщинами из «Тиндера» он всегда заказывал то же, что и они, будь это виски или зеленый чай. Таким образом он хотел послать сигнал, что в этом отношении они тоже друг другу подходят.

Гейр кашлянул. С того момента, как она вошла в бар, прошло шесть минут, и Мехмет знал, что сейчас Гейр бросится в атаку.

— Ты красивее, чем на аватарке в «Тиндере», Элиса, — произнес он.

— Ты уже говорил, но все равно спасибо.

Мехмет протирал бокал и делал вид, что не слушает их разговора.

— Так расскажи мне, Элиса, чего ты хочешь в этой жизни?

Она вымученно улыбнулась:

— Мужчину, который ищет не только внешность.

— Не могу с тобой не согласиться, Элиса, лишь внутреннее содержание имеет значение.

— Это была шутка. На аватарке я выгляжу лучше, да и ты тоже, Гейр, если честно.

— Хе-хе, — произнес Гейр, застигнутый врасплох, и устался в свой бокал. — Многие выбирают самую удачную фотку. Значит, тебе нужен мужчина. Какой именно?

— Тот, что хочет не работать и сидеть дома с тремя детьми. — Она бросила взгляд на часы.

— Хе-хе...

¹ «Тиндер» — сайт знакомств.

Пот выступил не только на лбу, но и по всей большой, гладко выбритой голове Гейра. И скоро у него появятся круги пота под мышками на черной обтягивающей рубашке (странный выбор, ведь он не был ни особенно стройным, ни мускулистым). Гейр повертел бокал в руках.

— Именно такое чувство юмора мне по вкусу, Элиса. Но моя семья — это моя собака, и мне этого пока достаточно. Ты любишь животных?

«Tangrim¹, не пора ли выложить карты на стол?» — подумал Мехмет.

— Если встречу нужного человека, я почувствую, что мы подходим друг другу здесь...

— И здесь. — Он улыбнулся, понизил голос и указал на ширинку. — Но сначала надо выяснить, подходим ли мы друг другу здесь. Что скажешь, Элиса?

Мехмет содрогнулся. Гейр ринулся в бой, и по его самоуверенности, скорее всего, будет нанесен удар.

Женщина отодвинула в сторону свой бокал, наклонилась к Гейру, и Мехмету пришлось напрячься, чтобы услышать:

— Можешь пообещать мне одну вещь, Гейр?

— Конечно. — Его взгляд и голос были оживленными, как у щенка.

— Обещай, что, после того как я сейчас выйду отсюда, ты никогда не попытаешься связаться со мной.

— Конечно.

Мехмет восхитился тем, что Гейр смог выдавить из себя улыбку.

Женщина откинулась назад:

— Это не потому, что ты похож на преследователя, Гейр, просто, видишь ли, у меня есть опыт нескольких неудачных свиданий. Один из парней начал меня преследовать. Он угрожал другим моим ухажерам. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь я стараюсь быть осторожной.

— Понимаю. — Гейр поднял свой бокал и осушил его. — Да, мы уже говорили, что вокруг полно сумасшедших. Но не бойся, ты в безопасности. По статистике, шансов быть убитым у мужчины в четыре раза больше, чем у женщины.

— Спасибо за вино, Гейр.

¹ Боже мой (*тур.*).

— Если одному из нас троих...

Мехмет быстро отвернулся, когда Гејр показал на него пальцем.

— ...предстоит быть убитым сегодня вечером, то шансы, что это будешь ты, составляют один к восьми. Или погоди-ка, надо разделить на...

Она поднялась:

— Надеюсь, ты справишься с вычислениями. Всего хорошего.

После ее ухода Гејр какое-то время сидел, уставившись в свой бокал, и кивал в такт мелодии «Fix You», словно пытался убедить Мехмета и других возможных свидетелей, что он уже отбросил все воспоминания о случившемся и что эта женщина была трехминутной попсовой песенкой, которая забывается в один миг. Потом он, не прикоснувшись к бокалу, встал и покинул бар. Мехмет огляделся. Ковбойские сапоги и парень, домучивший свои пол-литра, тоже ушли. Он был один. И кислород опять появился. С помощью мобильного телефона Мехмет поменял плей-лист на свой. «Bad Company» с участниками групп «Free», «Mott The Hoople» и «King Crimson»¹ были беспроегрышным вариантом. А с вокалом Пола Роджерса — беспроегрышным абсолютно. Мехмет увеличил громкость, и бокалы за стойкой начали позвякивать, соприкасаясь друг с другом.

Элиса шла по улице Торвальда Мейера между простыми четырехэтажными домами, где когда-то жили представители рабочего класса в бедном районе бедного города, а сейчас квадратный метр жилья здесь стоил столько же, сколько в Лондоне или Стокгольме. Сентябрь в Осло. Наконец вернулась мгла, а раздражающе светлые летние ночи с истеричными, веселыми и безумными проявлениями жизни остались позади. В сентябре Осло вновь становится самим собой: меланхоличным, сдержанным, эффективным. Прочный фасад не без темных мест и тайн. Так же говорили и о ней, Элисе. Она ускорила шаг. Воздух был пропитан дождем, мелким дождиком, будто Господь чихнул, как заявил, силясь казаться поэтичным, один из тех, с кем она встречалась. Она уберет свой профиль из «Тиндера». Завтра же. Хватит. Хватит похотливых мужиков, которые назначали свидание

¹ «Free», «Mott The Hoople», «King Crimson» — британские рок-группы 1960–1970-х гг.

в барах и своими взглядами заставляли ее чувствовать себя проституткой. Хватит чокнутых психов и преследователей, которые, устроившись поудобнее, высасывали из нее время, энергию и чувство безопасности. Хватит высокопарных неудачников, заставлявших ее думать, что она — одна из них.

Говорят, что свидания по Интернету — новый способ знакомиться с людьми, что этого больше не стоит стыдиться, что так делают все. Но это неправда. Люди знакомятся на работе, в читальном зале, у друзей, в спортивных клубах, в кафе и барах, в самолетах, автобусах и поездах. Они встречаются так, как положено, — не напрягаясь, не испытывая давления, и эти встречи создают у них романтические иллюзии о невинности, чистоте и персте судьбы. Элиса хотела окружить себя иллюзиями. Она удалит свой профиль. Она и раньше давала себе такое обещание, а теперь выполнит его, и прямо сегодня вечером.

Элиса перешла улицу Софиенберггата и достала ключ от двери подъезда рядом с овощным магазином. Она толкнула дверь, шагнула во тьму. И резко остановилась.

Их было двое.

За несколько секунд ее глаза достаточно привыкли к темноте, и она смогла рассмотреть, что у них в руках. У обоих мужчин были расстегнуты ширинки, а их члены торчали наружу.

Она попятилась, не оборачиваясь, уповая на то, что позади никого нет.

— Ох, черт, сорри...

В юном голосе смешались облегчение и извинение. Лет восемнадцать-двадцать, прикинула Элиса. Нетрезвые.

— Эй, — произнес другой, смеющийся голос, — ты обоссал мои ботинки!

— Это брызги!

Элиса плотнее закуталась в пальто и прошла мимо парней, отвернувшихся к стене.

— Здесь вам не писсуар, — бросила она.

— Сорри, не могли терпеть. Больше не повторится, блин.

Гейр быстро шагал по улице Шлеппегрельс-гате и размышлял. Совершенно неверно, что из двух мужчин и одной женщины именно у женщины шансы быть убитой составляют один к восьми, это уравнение намного сложнее. Все постоянно оказывалось намного сложнее.

Он миновал улицу Румсдалсгата, как вдруг что-то заставило его обернуться. Метрах в пятидесяти позади него шел какой-то человек. Гейр не был уверен, но разве это не тот же мужчина, что стоял на другой стороне улицы и смотрел на окна бара «Ревность», когда он выходил оттуда? Гейр ускорил шаг. Он шел на восток, в сторону района Дэлленга и шоколадной фабрики, в этой части города людей на улицах не было, только на остановке стоял автобус — наверное, опередил расписание и теперь ждет нужное время. Гейр бросил взгляд назад. Мужчина все еще находился на том же расстоянии. Гейр боялся людей с темной кожей, всегда боялся, но этого мужчину он никак не мог разглядеть. Они покидали белый, реконструированный район и направлялись туда, где располагалось социальное жилье и селились иммигранты. Гейр уже видел подъезд собственного дома, до которого оставалось метров сто. Но, обернувшись, он заметил, что мужчина перешел на бег. Мысль о том, что по пятам за ним следует сомалиец, получивший глубокие душевные травмы в Могадишо, заставила его взять ноги в руки. Гейр не бегал уже много лет, и всякий раз, когда его пятки ударялись об асфальт, у него сотрясалась кора головного мозга, а картинка перед глазами начинала подергиваться. Он добежал до дому, с первой попытки вставил ключ в замок, вломился в подъезд и захлопнул за собой тяжелую деревянную дверь. Прислонился к влажному дереву, ощущая жжение в легких и мышечную боль от молочной кислоты в бедрах. Затем обернулся и выглянул через стекло в верхней части двери. Там, на улице, он никого не увидел. Возможно, это все-таки был не сомалиец. Гейр рассмеялся. Черт возьми, надо же, каким пугливым становишься после того, как немного поболтаешь об убийствах. А что там Элиса говорила об этом преследователе?

Гейр вошел в квартиру, однако дыхание так и не восстановилось. Он достал из холодильника пиво, увидел, что окно в кухне, выходящее на улицу, распахнуто, и закрыл его. Потом прошел в кабинет и зажег лампу.

Он нажал клавишу на компьютере, и большой двадцатидюймовый монитор загорелся.

Гейр набрал в поисковой строке «Порнхаб» и «французский» и начал просматривать фотографии, пока не нашел женщину, у которой хотя бы волосы были того же цвета, что и у Элисы, и такая же прическа. В квартире были тонкие стены, поэтому, прежде чем дважды кликнуть на картинку, он воткнул наушники

ки в гнездо компьютера. Затем расстегнул брюки и спустил их с бедер. Женщина так мало походила на Элису, что Гейр закрыл глаза и сосредоточился на ее стопах, пытаясь вообразить маленький строгий рот Элисы, ее насмешливый взгляд, ее совершенно обычную, но оттого еще более сексуальную блузку. Ему никогда не заполучить ее. Никогда. Никаким другим способом, кроме этого.

Гейр остановился. Открыл глаза. Выпустил из рук свой член, почувствовав, как вздыбились волосы на затылке от дуновения холодного воздуха за спиной. Из двери, которую он плотно закрыл за собой. Он поднял руку, чтобы снять наушники, хотя знал, что уже слишком поздно.

Элиса накинула цепочку на дверь, сбросила в коридоре туфли и, как обычно, провела рукой по фотографии сбоку от зеркала, на которой была запечатлена вместе с Ингвиль, дочкой ее тети. Смысл этого ритуала был ей не до конца ясен, но, видимо, он отвечал на какую-то глубинную человеческую потребность, как отвечают истории о том, что ждет нас после смерти. Элиса вошла в гостиную своей маленькой, но принадлежащей ей на правах собственности уютной двухкомнатной квартиры и улеглась на диван. Она проверила телефон. Сообщение с работы о переносе завтрашней утренней встречи. Парню, с которым Элиса виделась сегодня вечером, она не сказала о том, что работает адвокатом пострадавшей стороны в делах об изнасилованиях. И что его статистика, говорившая, что мужчин убивают чаще, была всего лишь полуправдой. В преступлениях на сексуальной почве вероятность того, что жертвой станет женщина, в четыре раза выше. В частности, по этой причине, купив квартиру, Элиса первым делом сменила замки и установила дверную цепочку, что было совершенно не по-норвежски, и она до сих пор не слишком ловко управлялась с этой конструкцией.

Она открыла «Тиндер». Сайт утверждал, что у нее совместимость с тремя мужчинами, профили которых она сегодня вечером отложила вправо. Вот что прекрасно: с ними не надо было встречаться, достаточно просто знать, что они существуют и хотя с ней познакомиться. Может быть, она все-таки позволит себе последний письменный флирт с двумя участниками этой виртуальной троицы, перед тем как полностью стереть свой профиль и удалить приложение?

Нет. Стереть сейчас.

Она вошла в меню, заполнила графы, и наконец на экране появился вопрос, действительно ли она хочет удалить свой профиль.

Элиса посмотрела на указательный палец. Он дрожал. Господи, неужели у нее развилась зависимость? Зависимость от подтверждения того, что существует некто, совершенно не догадывающийся о том, кто она или какая она, во всяком случае некто, кому она интересна такой, какая она есть. По крайней мере, какая она есть на аватарке. Полная зависимость или легкая? Это она запросто выяснит, если сейчас же сотрет свой профиль и пообещает себе месяц не пользоваться «Тиндером». Один месяц, а если это ей не удастся, значит с ней что-то не так. Дрожащий палец приблизился к клавише «удалить».

Если у нее все-таки имеется так называемая зависимость, насколько это опасно? Каждому из нас надо ощущать, что у нас кто-то есть и что мы есть у кого-то. Элиса читала, что грудные дети могут умереть при отсутствии минимального тактильного контакта. Она сомневалась, что это правда, но, с другой стороны, какой смысл жить, если живешь только для себя, ради работы, пожирающей тебя, и ради друзей, связи с которыми, честно говоря, она поддерживала преимущественно из чувства долга, а также потому, что гложущий страх одиночества был хуже их утомительных жалоб на детей и мужей или на отсутствие минимум одной из этих составляющих. А вдруг ее мужчина как раз сейчас находится в «Тиндере»? В общем, хорошо, последний раз. Первую появившуюся фотографию она отложила влево. В мусорное ведро, в группу «Я тебя не хочу». То же и со второй. И с третьей.

Мысли ее блуждали. Она ходила на лекцию, где психолог, близко общавшийся с некоторыми наиболее опасными насильниками в стране, рассказывал, что мужчины совершают убийства из-за секса, денег и власти, а женщины — из ревности и страха.

Она остановилась на очередном изображении. Что-то в узком лице было ей смутно знакомо, несмотря на нечеткий и темноватый снимок. Такое происходило и раньше, «Тиндер» сводил людей, которые были очень близко друг от друга. И по сведениям «Тиндера», этот мужчина находился в каком-нибудь километре от нее; более того, исходя из известных ей данных, он мог проживать в том же квартале, что и она. Размытость фотографии свидетельствовала о том, что он, во всяком случае, не изучал сове-

ты о правильной тактике поведения в «Тиндере», а это само по себе — плюс. Его сообщение было простым: «Привет». Никаких попыток выделиться. И если уж без особой фантазии, то точно с уверенностью в себе. Да, ей бы определенно понравилось, если бы на какой-нибудь вечеринке к ней подошел мужчина и просто сказал «привет», глядя на нее спокойным твердым взглядом, говорившим: «Ты готова зайти дальше?»

Элиса переместила фотографию вправо. В группу «Мне любопытно, кто ты».

И тут же ее айфон радостно звякнул, сообщив, что найдена еще одна совместимость.

Гейр тяжело задышал носом.

Он натянул брюки и медленно повернулся на стуле.

Комнату освещал только монитор, и в его свете были видны туловище и руки человека, стоявшего позади. Лица Гейр не различал, только белые руки, что-то протягивавшие ему. Черный кожаный ремень. С петлей на конце.

Человек сделал шаг вперед, и Гейр машинально подался назад.

— Ты знаешь единственное, что, как мне кажется, примитивнее тебя? — прошептал голос в темноте, пока руки протягивали ремень.

Гейр сглотнул.

— Сука, — произнес голос. — Чертова сука, с которой ты обещал делать все, что положено. Которая срет на полу в кухне, потому что ее никто не в состоянии выгулять.

Гейр кашлянул:

— Но, Кари...

— Идите погуляйте. И не трогай меня, когда будешь ложиться.

Гейр взял собачий ошейник, и дверь за женщиной захлопнулась.

Он сидел в темноте и моргал.

Девять, подумал он. Двое мужчин и одна женщина, одно убийство. Шанс того, что жертвой станет женщина, составляет один к девяти, а не один к восьми.

Мехмет осторожно ехал на старом «БМВ» из центра по направлению к району Хельсос, к виллам, видам на фьорд и более чистому воздуху. Он свернул на тихую, сонную улочку и увидел, что у гаража перед домом стоит черный «Ауди Р8». Мехмет сбросил

сил скорость и на мгновение задумался, не дать ли снова газу, не продолжить ли движение. Он знал, что это будет всего лишь отсрочкой. С другой стороны, именно это ему и было нужно. Отсрочка. Но Бэнкс снова найдет его, а сейчас, возможно, настал нужный момент: темно, тихо и никаких свидетелей. Мехмет припарковался у тротуара. Он открыл бардачок и посмотрел на предмет, который положил туда несколько дней назад, предполагая, что возникнет как раз такая ситуация. Мехмет убрал предмет в карман пиджака и сделал вдох. Затем вышел из машины и направился к дому.

Дверца «ауди» распахнулась, и из машины выбрался Даниал Бэнкс. Когда они встречались в ресторане «Жемчужина Индии», Мехмет знал, что пакистанское имя и английская фамилия, скорее всего, такая же фальшивка, как и автограф этого человека на так называемом документе, который они подписали. Однако наличные в чемодане, который он передвинул через стол, были очень даже настоящими.

Галька перед гаражом скрипела под подошвами Мехмета.

— Хороший дом, — сказал Даниал Бэнкс, прислонившись к машине и сложив руки на груди. — Твой банк не захотел принять его в качестве залога?

— Я тут снимаю, — ответил Мехмет. — Подвальный этаж.

— Вот не повезло мне, — протянул Бэнкс. Он был намного ниже Мехмета, но когда поигрывал бицепсами под пиджаком, так не казалось. — Ведь тогда нам нет смысла сжигать его дотла, чтобы ты получил деньги по страховке и вернул свой долг, верно?

— Никакого смысла.

— И тебе не повезло, потому что это означает, что мне придется применить болезненные методы. Хочешь узнать какие?

— А ты не хочешь сначала узнать, могу ли я расплатиться?

Бэнкс покачал головой и вынул из кармана некий предмет:

— Срок платежа истек три дня назад, а я ведь говорил, что пунктуальность — это все. Чтобы не только ты, но и остальные мои заемщики знали, что подобное неприемлемо, мне придется реагировать, не делая исключений.

Он поднес предмет к свету гаражного фонаря. У Мехмета перехватило дыхание.

— Понимаю, что это не особенно оригинально, — сказал Бэнкс и склонил голову набок, разглядывая кусачки. — Однако это действует.

— Но...

— Можешь выбрать палец. Большинство предпочитает мизинец на левой руке.

Мехмет почувствовал, как забурлили чувства. Его переполнял гнев, и грудь поднялась, когда он втянул воздух в легкие.

— У меня есть решение получше, Бэнкс.

— Вот как?

— Я понимаю, что это не особенно оригинально, — произнес Мехмет, опустил правую руку в карман пиджака, вынул то, что там лежало, и протянул это Бэнксу, держа обеими руками. — Однако это действует.

Бэнкс удивленно посмотрел на него. Медленно кивнул.

— Ты прав, — сказал он, взял пачку купюр, которую протягивал ему Мехмет, и снял с нее резинку.

— Это покроет очередной взнос и колебание курса кроны, — уточнил Мехмет. — Ну давай уже пересчитывай.

Звоночек.

Совместимость в «Тиндере».

Триумфальный звон телефона, когда кто-то, кого ты уже отправил направо, отправляет направо твою фотографию.

В голове у Элисы зашумело, сердце понеслось галопом.

Ей было знакомо хорошо известное воздействие звука поиска совместимости в «Тиндере»: учащенное сердцебиение как следствие возбуждения. Этот звук высвобождал целый ряд гормонов счастья, от которых тоже может возникнуть зависимость. Но сердце ее застучало не поэтому.

Дело в том, что этот звоночек издал не ее телефон.

Но он звякнул в тот же миг, когда она перенесла фотографию вправо. Фотографию человека, который, по сведениям «Тиндера», находился от нее на расстоянии меньше километра.

Элиса посмотрела на закрытую дверь в спальню и сглотнула.

Должно быть, звук донесся из соседней квартиры. Здесь живет много одиноких людей, много потенциальных пользователей «Тиндера». А сейчас везде стояла полная тишина, даже этажом ниже, где у девочек вечеринка была в полном разгаре, когда Элиса уходила из дому. Но существует всего один способ избавиться от воображаемых чудовищ — посмотреть им в лицо.

Элиса поднялась с дивана и сделала четыре шага, отделявшие ее от двери в спальню. Она помедлила. В голове у нее про-

неслась информация из нескольких дел о нападении, над которыми она работала.

Потом она собралась и открыла дверь.

Она стояла в дверях и судорожно ловила ртом воздух. Потому что воздуха не было. Во всяком случае, ей не удавалось его вдохнуть.

Над кроватью горел свет, и первое, что она увидела, — подошвы ковбойских сапог, закинутых на спинку кровати, джинсы и пару длинных перекрещенных ног. Мужчина, лежавший на кровати, выглядел как на аватарке: в темноте, почти не в фокусе. Но он расстегнул на себе рубашку и обнажил грудь. А на груди было нарисовано или вытатуировано лицо. Именно оно приковало взгляд Элисы. Беззвучно кричащее лицо. Как будто оно застряло и пыталось вырваться наружу. Элиса тоже не смогла закричать.

Когда человек, лежавший на кровати, поднял глаза, свет экрана мобильного телефона упал ему на лицо.

— Вот мы и встретились снова, Элиса, — прошептал он.

Услышав этот голос, она поняла, почему фотография профиля показалась ей знакомой. Цвет волос изменился. А лицо, должно быть, подверглось операции, на нем еще виднелись следы швов.

Он поднял руку и положил что-то в рот.

Элиса неотрывно смотрела на него, отступая назад. Потом она развернулась и втянула в легкие воздух, зная, что этот воздух надо потратить на бег, а не на крик. До входной двери было всего пять, максимум шесть шагов. Она услышала, как скрипнула кровать, но ему предстояло проделать более длинный путь. Если только ей удастся выскочить на лестницу, она закричит, и придет помощь. Очутившись в коридоре, у входной двери, она повернула ручку и толкнула дверь, но дверь не хотела открываться полностью. Цепочка. Элиса захлопнула дверь и взялась за цепочку, но слишком медленно, как в кошмарном сне, понимая, что уже слишком поздно. Что-то закрыло ей рот, и ее потащило назад. В отчаянии Элиса высунула руку через входную дверь над цепочкой, ухватилась за внешнюю фрамугу, попыталась закричать, но большая, пахнущая никотином рука слишком крепко зажимала ей рот. Потом ее оторвало от косяка, и дверь захлопнулась у нее перед носом. Над ухом раздался шепот:

— Я тебе не понравился? Ты тоже не так хороша, как на фотографии с сайта, детка. Нам надо познакомиться получше, ведь в прошлый раз н-нам это не удалось.

Голос. И почти незаметное заикание. Однажды она уже слышала его. Элиса стала брыкаться, пытаясь высвободиться, но ее как будто зажало в тиски. Он волок ее мимо зеркала, положив голову ей на плечо.

— Не твоя вина, что меня осудили, Элиса, доказательств было предостаточно. Я здесь не поэтому. Поверишь ли ты, если я скажу, что это случайность? — Он улыбнулся.

Элиса уставилась на его рот. Его зубные протезы из железа, выкрашенные в черный цвет и снабженные острыми клыками на верхней и нижней челюсти, напоминали лисьи капканы.

Они тихо поскрипывали, когда он раскрывал рот, — наверное, были на пружинах.

Теперь она вспомнила подробности того дела. Фотографии с места преступления. И поняла, что скоро умрет.

Тогда он укусил.

Элиса Хермансен попыталась заорать в его ладонь, увидев, как из ее шеи брызнула струя крови.

Он снова поднял голову и посмотрел в зеркало. Ее кровь стекла по его бровям и челке на подбородок.

— Вот это я называю с-совместимостью, детка, — прошептал он.

И снова укусил.

У Элисы закружилась голова. Сейчас он держал ее совсем не крепко. Мог и не держать, потому что парализующий холод и незнакомый мрак окутали пространство вокруг и внутри Элисы. Она высвободила руку и протянула ее к фотографии у зеркала. Попыталась коснуться карточки, но не смогла дотянуться кончиками пальцев.

ГЛАВА 2

Четверг, первая половина дня

Яркий утренний свет падал в окна гостиной и проникал в коридор.

Следователь по особо важным делам Катрина Братт в молчаливой задумчивости стояла перед зеркалом и разглядывала фотографию, воткнутую в раму. На ней женщина и маленькая девочка сидели в обнимку на камнях. У обеих мокрые волосы, обе обмотаны большими полотенцами, словно только что иску-

пались нежарким норвежским летом и пытаются согреться, прижимаясь друг к другу. Но теперь их кое-что разделяло. Их разделила струйка крови, сбежавшая по поверхности зеркала через фотографию, прямо между двумя улыбающимися лицами. У Катрины Братт не было детей. Возможно, однажды она захочет детей, но не сейчас. Сейчас она — недавно разведенная женщина, нацеленная на карьеру, и ей это нравится. Разве нет?

Услышав тихое покашливание, Катрина подняла голову и встретилась взглядом с человеком, лицо которого было покрыто шрамами, а линия волос на выпуклом лбу начиналась на удивление высоко. Трульс Бернтсен.

— В чем дело, инспектор? — спросила она.

Его лицо скривилось после ее намеренного напоминания о том, что, несмотря на пятнадцать лет службы в полиции, он все еще оставался в низком чине инспектора первого класса и по этой причине — и ряду других причин — никогда не смог бы занять должность следователя в отделе по расследованию убийств. Если бы его не устроил туда друг детства, начальник полиции Микаэль Бельман.

Бернтсен пожал плечами:

— Да в общем, ни в чем. Это ведь вы ведете расследование. — Он посмотрел на нее холодным собачьим взглядом, покорным и злобным одновременно.

— Опросите соседей, — сказала Братт. — Начните с тех, что живут этажом ниже. Нам особенно интересно знать, что они слышали и видели вчера и сегодня ночью. Но поскольку Элиса Хермансен жила одна, мы также хотим знать, с какими мужчинами она общалась.

— То есть вы полагаете, что это сделал мужчина и что они были знакомы прежде?

Только сейчас она заметила молодого человека, паренька, стоявшего рядом с Бернтсеном. Открытое лицо, светлые волосы. Красавчик.

— Андерс Виллер, приступил к работе сегодня.

Голос у него был высоким и звонким, глаза улыбались, и Катрина подумала, что он наверняка осознает силу своего очарования. Характеристика, написанная его бывшим начальником в Управлении полиции Тромсё, выглядела как настоящее признание в любви. Но в этом не было ничего странного, так как послужной список Виллера подтверждал изложенное в характе-

ристике. Самые высокие оценки на экзаменах в Полицейской академии, которую он окончил два года назад, и хорошие результаты в должности так называемого инспектора второго класса с полномочиями следователя в Тромсё.

— Идите вперед, Бернтсен, — велела Катрина.

Тот зашаркал ногами по коридору, словно выражая пассивный протест против приказов начальницы-женщины, которая к тому же моложе его.

— Добро пожаловать, — сказала Катрина, протягивая пареньку руку. — Приношу свои извинения за то, что мы не были на месте и не приняли тебя как следует в твой первый день.

— Мертвые имеют преимущество перед живыми, — произнес Виллер.

Катрина узнала слова Харри Холе. Она заметила, что Виллер внимательно смотрит на ее руку, и сообразила, что до сих пор не сняла латексные перчатки.

— Они не прикасались ни к чему ужасному, — сказала она.

Виллер улыбнулся. Белые зубы. Десять дополнительных баллов.

— У меня аллергия на латекс, — ответил он.

Минус двадцать баллов.

— Ладно, Виллер, — произнесла Катрина Братт, по-прежнему протягивая ему руку. — Эти перчатки без присыпки, они произведены без использования аллергенных и эндотоксиновых материалов, и, если ты будешь работать в отделе по расследованию убийств, тебе придется надевать их довольно часто. Но конечно, мы можем перевести тебя в отдел экономических преступлений или...

— Ну уж нет, — рассмеялся он и пожал ей руку.

Она почувствовала, как по латексу растеклось тепло.

— Меня зовут Катрина Братт, я руковожу расследованием этого дела.

— Я знаю. Вы работали в группе Харри Холе.

— В группе Харри Холе?

— В Котельной.

Катрина кивнула. Она никогда не думала о них как о группе Харри Холе, это была всего лишь маленькая следственная группа из трех человек, созданная по особому случаю, чтобы вести независимое расследование убийств полицейских... Хотя название, конечно, все объясняло. После этого Харри вернулся в По-

лицейскую академию в качестве преподавателя, Бьёрн — в Брюн, в криминалистический отдел, а она сама — в отдел по расследованию убийств, где стала старшим следователем.

Глаза Виллера светились и по-прежнему улыбались.

— Жалко, что Харри Холе не...

— Жалко, что сейчас у нас нет времени поболтать, Виллер, нам надо убийство расследовать. Иди с Бернтсеном, слушай и учись.

Андерс Виллер криво улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что *инспектор* Бернтсен может многому меня научить?

Братт приподняла бровь. Молодой, самоуверенный, бесстрашный. Это хорошо, но она понадеялась, что он не станет очередным подражателем Харри Холе.

Трульс Бернтсен нажал большим пальцем кнопку звонка, услышал, как за дверью в квартиру загудело, подумал, что пора прекращать обкусывать ногти, и отнял руку от кнопки.

Когда он пошел к Микаэлю и попросил перевести его в отдел убийств, Микаэль поинтересовался, зачем ему это надо. И Трульс прямо ответил: он хочет находиться немного выше в пищевой цепочке и при этом не работать до посинения. Любой другой начальник полиции, естественно, вышвырнул бы Трульса за дверь, но этот не мог. Эти двое слишком много знали друг о друге. Когда они были молоды, их связывало некое подобие дружбы, а позже — общая польза, которая объединяет рыбу-прилипалу и акулу. Но сейчас их намертво связывали общие грехи и обещания молчать о них. Именно поэтому Трульсу Бернтсену даже не приходилось задумываться, выдвигая свои требования.

Однако он начал сомневаться, насколько устраивают его эти притязания. В отделе убийств было две категории сотрудников: следователи и аналитики. И когда начальник подразделения Гуннар Хаген сказал, что Трульс может сам выбирать, кем быть, Трульс понял, что едва ли его предназначение состоит в том, чтобы нести ответственность. В общем-то, это его устраивало. Но все же он был вынужден признать, что ему резало слух, когда старший следователь Катрина Братт, показывая ему отдел, постоянно называла его «инспектор» и особенно долго объясняла, как работает кофейный автомат.

Дверь открылась. На пороге стояли три молоденькие девушки и смотрели на него с выражением ужаса на лице. Наверняка они знали, что случилось.

— Полиция, — сказал Трульс, предъявляя удостоверение. — У меня есть несколько вопросов. Вы слышали что-нибудь между...

— Вопросов, на которые мы надеемся получить у вас ответы, — раздался голос у него за спиной.

Новичок. Виллер. Трульс заметил, что девичьи лица стали менее испуганными и даже почти засияли.

— Конечно, — кивнула та, что отперла дверь. — Вы знаете, кто... кто сделал... *это*?

— Об этом мы, конечно, ничего вам не скажем, — ответил Трульс.

— Но вот что мы можем сказать, — подхватил Виллер. — У вас совершенно нет причин бояться. Можно я угадаю? Наверное, вы студентки и вместе снимаете квартиру?

— Да, — произнесли они хором, будто каждая хотела ответить первой.

— А можно нам войти?

Трульс подумал, что у Виллера такая же белозубая улыбка, как и у Микаэля Бельмана.

Девушки провели их в гостиную. Две из них быстро собрали со стола пустые пивные бутылки и бокалы и исчезли.

— У нас здесь вчера была вечеринка, — сказала та, что отперла дверь, извиняющимся тоном. — Это ужасно.

Трульс не понял, что она имела в виду: убийство соседки или то, что во время убийства они здесь веселились.

— Слышали ли вы что-нибудь вчера вечером между девятью и полуночью? — спросил Трульс.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Если бы Эльса...

— Элиса, — поправил ее Виллер, который вытащил блокнот и ручку.

Трульс подумал, что ему тоже стоило взять с собой блокнот и ручку. Он кашлянул:

— У вашей соседки был постоянный парень?

— Не знаю, — ответила девушка.

— Спасибо, это все, — сказал Трульс и повернулся к двери, собираясь уходить.